

Илья Нилов

ДЕКЛАРИРУЕМОЕ РАВЕНСТВО В УСЛОВИЯХ ПРИНЯТОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Какое положение в общественных представлениях занимает сегодня гуманитарное образование? Для чего идти на философский факультет и какова судьба тех, кто все же решил стать философом здесь и сейчас? Есть ли смысл вообще терять время в высшей школе, перенимая чужой опыт тех, кто перенял его у кого-то другого, вместо того, чтобы приобретать свой собственный? Присутствие тех или иных «учителей» не предмет свободного выбора со стороны студента, что же удерживает его в стенах аудитории, вынужденное согласие или безразличная покорность? После развала государственного протекционизма и советской системы занятости, было бы глупо делать вид, что ничего не происходит, и все ценности остались на прежних местах, а святое для советского человека слово «интеллигент» сохранило свой смысл и кредит уважения. Как можно сегодня стать интеллигентом, если на это просто нет времени? Тем, кто все же решил во что бы то ни стало им быть, и посвящается данная статья.

Вопрос об автономии университета, как и многие другие вопросы, в России не обсуждается, поэтому разумно было бы, для начала, обратиться к опыту других стран. В Германии дискуссии о настоящем и будущем высшей школы стали традиционной темой, тесно связанной как с общей проблемой воспитания, так и с историческим предназначением немецкой нации и человечества как такового. Так или иначе, эти размышления принимали политическую окраску (особенно заметно это проявилось в случае с т. н. «делом Хайдеггера», где проблемным полем служил вопрос об автономии немецкого университета, за подробностями можно отослать к недавно опубликованной на русском языке переписке Хайдеггера с Ясперсом), и это вполне объяснимо, т. к. любой институт обслуживает интересы и цели тех, кто его создавал, а именно интересы государства. Во Франции, во времена Дюркгейма, образование главным образом было озабочено проблемой национальной интеграции, которая и по сей день остается приоритетной задачей школы.

Тогда же, если молодые баски и бретонцы шли умирать на восточные границы, то это наглядно доказывало обществу, что школа успешно справилась со своей задачей. Любой социологический и, особенно, философский подход к изучению специфики высшей школы должен признать: «что образование — это всего лишь один из многих социальных факторов, воздействующих на поведение человека, и как таковой, хотим мы этого или нет, всегда служит социальным целям и сознательно направлен на формирование определенных типов личности».¹

Подрыв доверия к идеалам просвещения рождает новую критику и скептицизм в адрес структуры общего образования. К последовательным выводам приходит послевоенная французская мысль, в лице ее наиболее ангажированных представителей модернизированной версии марксизма, когда утверждает, что за явными просвещенческими целями скрывается проект производящий «прирученного», укрощенного субъекта дисциплинарного типа (мысль, у истоков которой стоит критическая теория Франкфуртской школы). Смысл образования, таким образом, заключается в установлении необходимой связи между чтением, сидением и усмирением. Человек, вопреки надежде Канта, продолжает оставаться объектом, а не субъектом социального отбора. Как остроумно замечает П. Слотердаjk в своем ответе на «Письмо о гуманизме» Хайдеггера («Правила для homo парка»): «Лекция и селекция связаны друг с другом сильнее, чем какой-нибудь историк культуры имеет желание и возможность это понять». Дрессировка и отбор всегда являлись важнейшими инструментами обучения как такового. Ж. Делез, развивая генеалогический проект Ф. Ницше, приходит к похожим выводам: «Не существует метода поиска сокровищ, нет его и в обучении, есть только жесткая дрессура, культура или пайдейя (*ερεχ.* воспитание, формирование), пронизывающие индивида насквозь...», а также, «... культура — это движение обучения, приключение произвольного, связывающие чувственность, память, а затем и мышление с необходимым, как говорил Ницше, насилием и жестокостью именно для “дрессировки народа мыслителей”, “дрессировки разума”».²

Университет и государство продолжают старый спор, имевший место при столкновении интересов церкви с интересами светской власти. Интерес этот, как представляется, имеет в виду не только материальный капитал, но и капитал символический. История этой борьбы более или менее освещена историками и поэтому нет смысла ее здесь пересказывать. В определенный момент, а если быть точным этот момент тесно связан с развитием протестантского мировоззрения в Германии, место церкви занял университет и проблема его автономии, которая обсуждалась на протяжении всего 19 — начале 20 в. Как справедливо было отмечено исследователями, речь профессора немецкого университета переняла все характерные черты проповедника в протестантской церкви. Именно протестантизм позволил университету взять на себя исполнение воспитательных функций, область

1 Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 463.

2 Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. С. 206.

исключительно церковного ведения. Проблема автономии по разному была решена в Европе и США, меня же, понятным образом, интересует решение этой проблемы на территории бывшего СССР. Интересует не только, и не столько результат, который конечно удручает, но не в этом дело, а в том, каково состояние рефлексии на этот счет у самих участников образовательного процесса, а оно, прямо скажем, не приближается к критической позиции. Налицо некритическое следование распределяемым в этом поле ролям, награждаемое по разному в зависимости от выполняемых обязанностей; студенты получают свои долгожданные дипломы, степень признания каковых, вопросы в остальном мире довольно условна (в момент написания статьи обсуждалась тема внутреннего разделения всех вузов на ведущие и не ведущие), все же остальные – высоко или не очень финансируемые гранты. Авторитет, заработанный советской системой образования уже не тот. Налицо понижение уровня и качества, связанные с обесцениванием прежних норм и стандартов преподавания (отныне преподавать может каждый т. н. «специалист» узкого или широкого направления), а также с менее строгими требованиями, предъявляемыми к ученику («мол, жизнь она и так тяжелая»). Но нас скорее интересует специфика университета (этого «всеучьбища», как предлагал его называть футурист А. Крученых), та роль в капиталистическом обществе, которую он играет при посредничестве двух ключевых фигур студента и преподавателя, которые своими действиями и сформированной ментальностью, не только сейчас и здесь, но и вообще способствуют отмиранию критической оценки происходящего.

Для начала следует сказать несколько слов об образовательной системе в целом. Образование – удобный инструмент для исключения части населения, его дифференциации, сегрегации и воспроизводства неравенства. Этот процесс начинается еще в школе. Мы не будем искать злую волю, которой было бы выгодно именно такое положение дел, так как этот вопрос не легко поддается конкретной проверке. Власть присутствует везде и одновременно в нескольких местах сразу, а ее локализация только усиливает эффективность ее господства и невидимого присутствия. Однако, вполне очевидно, что социальное неравенство в школе это, с одной стороны, государственная стратегия легитимации «наследников» и стремление убедить остальных в том, что те, кто исключены, исключены законно, а, с другой, незаинтересованность родителей из народной среды в получении их детьми полного среднего и высшего образования. Вовлечь ребенка в длительный процесс обучения, который завершится с получением квалификации после сдачи множества экзаменов – слишком большой риск ради призрачной надежды на будущее благополучие. Понятно, что перспективы философской карьеры даже не рассматриваются в этой среде. Уже выбор школы определяется наличием семейного капитала и стратегии по его поддержанию и сохранению. Школа и семья понятия почти тождественные. Семья определяется, главным образом, с помощью своей внешней функции и того вклада, который она обязана вносить в социальное воспроизводство. Эта цель и достигается с помощью таких действий, как нравственное воспитание, выбор

школы, друзей, знакомых и т. д. Определение ребенка в престижную школу, обеспечивающую высокий уровень подготовки для поступления в вуз, зависит как от благосостояния его родителей, так и от уровня подготовки, которая также требует средств. Эти действия (включающие также выбор иностранных языков и карьерных дисциплин) тем более важны, поскольку объем школьного образования возрос и, следовательно, возросла и конкуренция. Школьный капитал, таким образом, составляет одну из главных ставок социального воспроизводства и оказывает важное влияние на жизнь семей и на их возможное будущее.

Коллективное сознание связывает со школой представления, по которым она должна гарантировать для всех равные возможности. Предполагалось, что новая школа осуществит переход от сословного общества, в котором социальное положение определяется происхождением, к обществу равных возможностей для всех индивидов, которые могут свободно занимать любое положение, соответствующее их способностям. Но просвещенческая модель привела к замене одного типа господства на другой, более изощренный. Было принято негласное решение о необходимости обеспечения всех людей минимальным уровнем образования, которое бы позволило каждому исполнять свои гражданские обязанности, но при этом не изменяло бы социальную иерархию в целом. Рост числа учащихся и времени, проведенного в школе, как и общее повышение уровня знаний учеников, как показывает западный опыт, не ликвидируют процессы отбора, но, напротив, закрепляют с новой силой. Современная школьная система включает многочисленные, изощренно-иерархизированные профили, лучшие из которых открывают элите доступ к Высшим школам и наиболее ценным должностям, а наименее ценимые дают образование типа «занятие», которое не приспособлено к рынку занятости и может привести только к безработице.

В России, где этот путь только начинает осваиваться, ситуация приобретает нецивилизованные и антикультурные черты. У нас в списке перспективных занятий прочно закрепились такие уважаемые и высокооплачиваемые во Франции дисциплины, как, например, философия. Скоро можно будет говорить о «долгожданной» смерти этой старейшей дисциплины, чье умирание длилось на протяжении всего двадцатого века и, наконец, осуществилось в России практически. «Ну, наконец-то», скажут более «живые» и, как они считают, «нужные» обществу историки, социологи, психологи и культурологи. Только ошибка их состоит в том, что нужны они отнюдь не обществу, давно уже не понимающему и не интересующемуся специфическими проблемами этих дисциплин, а нужны они, в первую очередь, власти, воспроизводящей себя через эти, если говорить прямо, «лженауки». Технари всегда были и будут востребованы, т. к. именно они снабжают и обеспечивают любимое общество так необходимыми ему «дорогими игрушками». Теоретическая физика и другие отвлеченные от конкретного результата науки людям не понятны и не нужны. Выбирая философскую карьеру, если можно так выразиться, вы заранее, априорно, как выражаются представители этой профессии, обрекаете себя на нищету и унижение со стороны

общества. Чем руководствуется абитуриент, выбирая «неудачный» факультет? Попробуем провести анализ воображаемого среднестатистического студента философского отделения, основанный, конечно, на собственном опыте общения с ним:

- а) Мой диплом обязательно будет востребован, ведь я студент всеми уважаемого и известного заведения с хорошими традициями и/или перспективами.
- б) Философия это хобби, а работа нечто принципиально иное. Вот получу диплом, а там посмотрим.
- в) Преподавать это тоже профессия.
- г) Не хочу никем быть и не буду.

Самые активные, при этом, ищут признания на Западе, в тайне надеясь, что это им зачтется на Родине.

Вопрос стоит чаще всего так (особенность того, что П. Бурдье называет «иллюзией» профессии), что или ты «в», и тогда вопросов не возникает, или ты «вне» и тогда вопросов очень много. Один из таких вопросов звучит так; для чего нужно высшее гуманитарное образование сегодня? Ответ очевидный (и это присуще любой доксе) мы выдаем не задумываясь: высшее образование подготавливает человека к его профессиональной деятельности на благо общества, а также способствует техническому и общественному прогрессу в осознании проблем, присущих сферам человеческой жизнедеятельности. Рекламный проспект философского факультета МГУ гласит: «Мы готовим настоящих профессионалов». Вопрос, который возникает в связи с этим, какое значение будет иметь возможная профессионализация для проекта под скромным названием эмансипация человека, в том числе и от своей пресловутой «человечности», заключающейся в социальном и даже юридическом определении «личности»? Неочевидный ответ проблематизирует однозначную и непосредственную связь между овладением профессиональными навыками и развитием научного знания. Слово «наука» здесь используется не в узко эмпирическо-позитивистском смысле, лишенном страсти и вдохновения, как сказал бы М. Вебер, но в более широком значении, как то, что способствует историческому прогрессу и эмансипации сознания, а также имеет своей целью универсальность и общность познающих. Науку следует понимать в том смысле, что это род деятельности, чрезвычайно интенсивной, чьи результаты, если таковые имеются, не всегда должны иметь практическое значение и находить применение в обществе. Нужно понимать, что требования результативности и пользы не правомочны в этой сфере в принципе, эти требования сформулированы властным запросом. Философия не наука, но сближает их равная удаленность от того, что принято называть «престижными сферами практики».

Государство стремится институализировать и оформить область знания за счет введения, т. н. «объективных» профессиональных стандартов. Это исключительно количественные параметры, которые включают в себя определенный набор регалий: защита степеней, статьи, выступления, преподавательский стаж и т. д. Таким образом, поддерживается монополия на власть «освящать», т. е. право устанавливать дефиниции в каждой отдельной облас-

ти. Например, устанавливать разницу между просто «специалистом» в той или иной области и «профессионалом». Предполагается, что статус «профессионала» присуждается в связи с накоплением достаточного количества научных знаний. Результативность и продуктивность позволяют связать несовместимое, т. е. принципиально различное. Так ли связаны между собой наука и профессия?

Одно из самых невинно-ложных заблуждений состоит в том, что наука может помочь тому или другому освоить профессию. Профессия так мало следует из науки, что одно может исключать другое. Потому что наука по самой своей сущности не терпит, когда от нее отделяются, в известном смысле она заставляет исследователя всегда оставаться учителем, чтобы деятельность его не принимала форм государственных профессий врача, юриста, преподавателя высшей школы. Когда институты, где люди получают титулы, звания, возможности для жизни и профессии, называют себя очагами науки, это не приводит ни к чему хорошему.³

В этом, как и во многом другом, мы придерживаемся той логики, которая представлена в эссе В. Беньямина «Жизнь студентов», послужившего основой данным размышлениям и ясно выразившему то, что вызывало скрытое неудовлетворение автора на протяжении всего процесса обучения. Конкретно этот текст выбран из-за его острой, почти личной (свойственной ницшевской философии) критической направленности и характерного для данного автора внимания к конкретным деталям, зачастую упускаемым из виду в монументальных исследованиях на эту тему.

Следует отметить, что сама тенденция противопоставления профессиональной специализации (ангажированности) и свободного выбора и толерантности в науке, противопоставление вождя, преподавателя и фигуры независимого в своих суждениях учителя широко обсуждалась в начале 20 в. Кроме прочих особое значение имел знаменитый доклад М. Вебера, прочитанный им зимой 1918 г. в Мюнхенском университете, который носил характерный заголовок «Наука как призвание и профессия» (русский перевод оставляет за нем. «Beruf» оба его возможных значения связанных единым протестантским смыслом). Право преподавателя говорить, без права быть прерванным, наделяет эту фигуру чрезвычайными полномочиями и символическими функциями отца, у которого справляются, как нужно правильно жить и мыслить. Опасности такого злоупотребления обсуждаются и в тексте Беньямина и в докладе Вебера: «Было бы слишком удобно, — пишет Вебер, продемонстрировать свое призвание там, где присутствующие — в том числе, возможно, инакомыслящие — вынуждены молчать». Признавая, что наука возможна как профессия или, скорее, призвание, что предполагает свободный выбор, Вебер скептически настроен по отношению к устанавливаемым и легитимированным образованием истинам. Истина в этом

3 Беньямин В. Озарения. М.: Мартис, 2000. С. 10.

случае принадлежит государству, наделяющему посредством сертификатов и степеней, правом отдельных личностей ее представлять и отдельных дисциплин ее производить. И тот и другой призывают к активной деятельности в общностях за пределами институциональных рамок: «Судьба нашей эпохи с характерной для нее рационализацией и интеллектуализацией и прежде всего расколдовыванием мира заключается в том, что высшие благороднейшие ценности ушли из общественной сферы или в потустороннее царство мистической жизни, или в братскую близость непосредственных отношений отдельных индивидов друг к другу... И пророчество с кафедры создаст, в конце концов, только фантастические секты, но никогда не создаст подлинной общности» (М. Вебер).

То, что у Вебера изложено в мягкой форме предостережений и сомнений в ответах на «больные» вопросы по поводу оснований и смысла в конкретных профессиональных областях, у Беньямина приобретает характер острой критики в адрес структуры и характера отношений внутри высшего учебного заведения, что лучше всего подходит для анализа местной специфики обучения. Свободную общность познающих, ощущающих свое единое происхождение в универсальной идее знания, университет подменяет корпоративным сговором студентов и чиновников под знаменем так называемой свободной науки, «такой науки, от которой с безоговорочной жесткостью ожидают, что она поведет своих адептов к социальной индивидуализации и государственной службе». Свободное участие в обсуждении и отстаивании своей позиции отменено в пользу иерархических связей по типу преподаватель-ученик, где ученик, не являясь официальным лицом, не имеет права ни влиять на учебный процесс и план занятий (заведение, в котором учился я, диплом выдавало при условии строго обязательного посещения всех лекций), ни, уж тем более, на правовую основу университета, не выбираемую, но назначаемую Министерством образования. «Важной чертой студенческой жизни, — справедливо замечает В. Беньямин, — является то, что такое положение принимается безоговорочно и без всяких сомнений».

Подобная индифферентность и апатия во многом являются результатом как распространенного в обществе в целом социального нигилизма, так и государственного запугивания, спектр которого довольно широк и включает в себя как, применительно к мужской части, угрозу армейской повинности, так и напоминания о ближайшем карьерном будущем, которое может

СВОБОДНУЮ ОБЩНОСТЬ ПОЗНАЮЩИХ, ОЩУЩАЮЩИХ СВОЕ ЕДИНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ В УНИВЕРСАЛЬНОЙ ИДЕЕ ЗНАНИЯ, УНИВЕРСИТЕТ ПОДМЕНЯЕТ КОРПОРАТИВНЫМ СГОВОРом СТУДЕНТОВ И ЧИНОВНИКОВ ПОД ЗНАМЕНЕМ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ СВОБОДНОЙ НАУКИ

и не оказаться таким уж безоблачным. Сертификат о высшем образовании служит пропуском на собеседование по найму, которое, в свою очередь, понятно, ничего не гарантирует человеку со стороны, т. е. не обладающему «полезными» знакомствами и рекомендациями. Критерии отбора мало кому известны, кроме самих отбирающих, тем самым этот ритуал социализации неизбежно приобретает все черты стандартного унижения, избавиться от которого не сможет даже «хороший» диплом. К слову сказать, даже если зачисление на службу состоялось, это не избавит вас (конечно в более мягкой, «цивилизованной» форме) от участи тех, кого в армии принято называть..., думаю, вы и сами прекрасно знаете, как их принято называть. Новые формы эксплуатации со стороны менеджмента, как ни странно, это то наследство, которое нам досталось от критики 60-х гг. В то время на западе гуманитарные науки критиковали тейлористскую форму организации труда и активно выступали за участие людей в определении целей организации, за коммуникацию, за коллективную работу и т. д. Эта критика была принята на вооружение менеджментом — как на предприятиях, так и в образовании. Сегодня требования к компетенции служащего включают уже такие дополнительные качества, как «умение работать в команде», «общительность», «гибкость в решении изменяющихся задач» и т. д. Но при таких требованиях, которые приобретают обязательный характер, возникает вопрос: не служит ли управление человеческими ресурсами, внимание к человеку, забота о его проблемах лишь тому, чтобы придать эксплуатации пристойный, гуманный вид? Не будет ли это изобретением новых форм эксплуатации, не ведут ли столь ценимые качества к новым формам отбора и контроля? Так что процедуры «опускания» все равно не избежать, если только, по счастливой случайности, ваш папа не генеральный директор, но тогда спрашивается, к чему вам диплом?

Тенденция к повиновению и расположенность ко все видам социального конформизма, проявляющегося во всем, начиная от отказа мыслить критически и политически и вплоть до т. н. «свободного» выбора стиля жизни, услужливо предоставляемого культурной индустрией (ложная видимость разнообразия, подчеркивающая, якобы, исключительную индивидуальность каждого), уже явно угадываются в невинно-обучающейся фигуре студента. Как справедливо замечает все тот же Бенъямин: «Они завоевали в университете право на все виды эгоизма и альтруизма, на большую жизнь, где все разумеется само собой, все, кроме радикального сомнения, глубокой принципиальной критики — самого необходимого для жизни, целиком посвященной строительству нового». Экономические представления большей части студенчества также несут на себе следы исторического либерального конформизма, нашедшего свое законченное выражение в социал-демократической риторике, легко опознаваемой в качестве дискурса поражения левого движения. В то время как в западных академических структурах мы наблюдаем увеличение спроса на марксистскую литературу и курсы классического марксизма, традиции, обретающей новую силу в связи с движением антиглобалистов во всем мире, в России по-прежнему продолжают бороть-

ся с «призраками Маркса» (название книги Ж. Деррида 90-х гг.). Забывают о том, что «левая» теория, разработавшая самую последовательную критику господствующей идеологии, являлась, по сути, единственной сложившейся критической теорией в западной культуре. Игнорирование этого факта возвращает нас к реакционным, докритическим представлениям. Господствует иллюзия о «естественно»-сложившемся положении вещей и об отсутствии реальной альтернативы существующему. Средний студент игнорирует сложность и историчность существующих процессов в обществе, его сознание полностью подчинено т. н. истинам «здорового смысла» и общественного мнения. Отличительная черта образования, особенно гуманитарного, сегодня заключается в отрыве его от того, что принято обозначать словами «опыт» и «практика». Сегодняшняя ситуация в обществе такова, что на приобретение опыта и его осмысление, а это основное условие «приобретения», просто не хватает времени. Опыт всегда легче позаимствовать, в этом сегодня можно обнаружить смысл образования. Инфантилизм обучаемого проявляется в заполнении пустоты имитацией и присвоением плодов чужого опыта. Его современный портрет ничем не отличается от набросанного немецким философом портрета начала прошлого века: «избалованный ребенок, испорченный и захваленный всеми партиями и союзами, покорный воле каждого и начисто лишенный благородства».

Студент, а это, как правило, человек молодой и наивный, верит в то, что он и его сверстники плывут по течению и, рано или поздно, волеются в поток свободно распоряжающихся своим трудом и временем служащих. Работа в подобных представлениях служит основой личного счастья и освобождения, тем самым забывается предостережение К. Маркса, смысл которого в том, что человек, не имеющий никакой другой собственности кроме своей рабочей силы, с необходимостью вынужден стать «рабом других людей, которые превратились в собственников». Основная цель, которую преследует выпускник сегодня, состоит в том, чтобы подороже продать себя корпорации, гарантирующей ему обеспеченную и «счастливую» жизнь / смерть в кредит. Область занятий выпускника философского факультета сегодня включает в себя обширный спектр от продавца мобильных телефонов до журналиста в патриотической газете. Дело в том, что «профессия» философа наименее кодифицирована. Ее отличает размытость границ легитимации, а также полная неопределенность карьерного будущего. Она обладает наименьшей способностью полностью обеспечить материально того, кто решил связать с ней свою жизнь. Философ, и не только он, вынужден искать себе «внешнее» занятие в целях дополнительно-основного дохода. Большинство гуманитариев занимается обслуживанием культурной индустрии и массового сознания, т. е. журналистикой, профессией, не имеющей ничего общего с философским анализом. Достоинством всех этих работ является то, что занятые в них получают доступ в «среду», где циркулирует информация, заводятся знакомства и приобретаются полезные связи. Здесь можно занять позицию обладателя специфической властью — получить статус издателя, редактора, составителя сборника и т. д. Оплата за такую работу

носит символический характер, за «настоящими» деньгами выпускник должен идти «на сторону». Навыки гуманитарного обучения легко ему в этом помогают, приспособившаяся к враждебной знанию среде, где единственным критерием и оценкой его деятельности служит публичный успех и рейтинг. «Когда мы встречаемся с выпускниками 10 и менее лет выпуска, здесь множество машин и мобильных телефонов. Большинство из выпускников этих лет занято в бизнесе. Но что интересно, в ответ на вопрос о том, пригодилось ли им полученное образование, 9 из 10 отвечают утвердительно. Как это объяснить? Я думаю, это происходит потому, что, пока наша социально-экономическая ситуация не позволяет нашему бизнесу развиваться должным образом и лагуну непрофессионализма заполняет умение общаться, владение искусством коммуникации; человек, обладающий определенной культурой и гуманитарным знанием, полученными им на факультете, достаточно легко адаптируется в таких условиях, не только в бизнесе, но и на телевидении, и в СМИ (Пельш, Малашенко и др.), а также в банковской сфере, правительстве и в других местах, что вполне может быть привлекающим фактором» (из интервью декана философского факультета МГУ В. В. Миронова редакции журнала «Z» в 2000 г.).

Понимание труда в таких фантазиях несет на себе все признаки коррумпированности, в это понимание уже изначально инвестировано примирение с эксплуатацией и отчуждением. Только сейчас мы убедились, что занятость в крупной корпорации требует от человека слишком многого. «Адаптация» образованного человека к таким условиям, есть следствие его выдрессированности и привычки к послушанию, заложенных в средней и высшей школах, в этом декан прославленного факультета конечно прав. Работа сегодня — это полный рабочий день, только в этом случае платят достойную зарплату, которая, конечно, недостаточно достойная. Что делать человеку творческому, если творчество рождается только при наличии избытка свободного времени? Как вести себя в вынужденной ситуации, когда все твои коллеги по работе самозабвенно желают еще немного поработать, чтобы еще немного подзаработать, а начальнику нравятся исключительно такие? Классическая схема из «Капитала» Маркса: собственнику проще и выгодней еще немного подкинуть наличных за сверхурочную работу. Он никогда не знал и не узнает ценности свободного времени, ведь для него незыблемой формулой остаются «золотые слова»: «время — деньги». Мы живем в обществе, где свободное существование человека, особенно и исключительно в столице, возможно только при наличии денег, но осуществление заветной мечты может привести к тому, что ты лишишься, возможно, единственного богатства, которое у тебя есть — свободного, ничем не занятого времени. Философ в таких условиях не может не быть «бедным», так как его род занятий не позволяет ему «добросовестно» выполнять свои обязательства перед корпорацией, а только это гарантирует ему не только высокий уровень дохода, но и вообще рабочее место. Человек оказывается перед выбором или / или: или предать забвению свои «незаинтересованные» занятия философией или наукой, как поступает большинство сегодня; или стать преподавателем

в Высшей школе, что тоже представляет собой определенный компромисс и «делку с совестью». Уважение со стороны общества к философии отсутствует по вполне понятным, материальным причинам. В его глазах люди этой специальности уже давно организовали отдельную группу, которой бедность присуща по определению. Как писал Г. Зиммель, автор, который, собственно, ввел в социологию термин «бедность»: «эта группа объединяется не путем взаимодействия ее членов, а посредством коллективной установки, которую остальное общество занимает относительно этой группы». Еще жива «старая гвардия» член-корреспондентов Института философии РАН, для которых занятия философией это, конечно, прежде всего, работа, которая сейчас практически не оплачивается. Бюрократическая рутина, унаследованная от советской эпохи, давно заменила творческий аспект. Системы созданы, дачи распределены, а «заслуженные» коллеги собрались за вечно праздничным столом сектора №... Понимание и уважение растет с каждой выпитой рюмкой.

Преподавание, обычно, рассматривается как некий вид преданности своему научному делу, но так ли это? Автора данной статьи можно упрекнуть в идеализме и максимализме, но ему представляется, что единственно продуктивным может быть подход, сопоставляющий профессиональный проект с идеей, т. н. «чистой» или отвлеченной науки, и выявляющий присущее этим двум сферам человеческой деятельности несоответствие, рождающее общую критику существующих норм. Так называемый «профессионализм» в гуманитарной среде понятие расплывчатое и, как правило, зависит от той или иной степени признанности или «раскрученности». Имя специалиста зачастую выполняет функцию товарного «бренда» на рынке, закрепляющего за собой право собственности представлять те или иные идеи, как правило, позаимствованные прямо или опосредовано, т. к. не надо забывать, что любое устное или письменное слово изначально связано с процедурой заимствования или попросту говоря «кражи». Таким образом, мы имеем дело с еще одним «театром господина, сторожащего украденное слово, которое он одалживает только своим рабам, своим режиссерам и своим актерам» (см. Ж. Деррида «Вкрадчивое слово» из книги «Письмо и различие»). Бесспорно, от использования чужих разработок никуда не уйдешь, но область профессиональных амбиций устроена так, что анонимность и отказ от авторства в области теории хоть и предполагается, но на деле оборачивается столкновением личных амбиций и указанием на неоспоримость фактора влияния. Управленческий интерес начинает преобладать над научной отстраненностью. Отсутствует сопротивление «фетишизму имени метра».

Популярные в разных областях знания имена исследователей, ссылка на которые является уже сама по себе аргументом, ловушка для наивного читателя и потребителя, для которого существование «звезд» в науке и культуре вполне оправдано и даже приветствуется, т. к. оставляет возможность поверхностной осведомленности на уровне перечисления именитых авторов. Вполне понятна такая наивность и для студента, чьи поиски духовного наставника и покровителя (проще говоря, того самого пресловутого «отца»),

кончатся взваливанием на себя бремени верного ученика и последователя. Но непростительно, когда мания величия захватывает тех, чья незаметность предполагается уже выбором занятий, да и самой научной деятельностью как таковой. Эти «популярные мыслители», занимающиеся обслуживанием тех или иных «модных» идей, все чаще требуют для себя личного бессмертия, заверения в котором они получают от тех, кто их окружает, а это, в большинстве случаев, верные сторонники, ослепленные светом, исходящим от их кумира, каковой, как они надеются, высветит и их скромный вклад.

Буржуазный культ гения и таланта оказывается привнесен и туда, где личная скромность и самоотречение являются основными качествами ученого, где отдельное имя ничего не значит, а признание (любое признание) не имеет никакой ценности. У Ницше мы как всегда можем найти точное описание подобного случая. В сборнике афоризмов «Странник и его тень» есть один под названием «Служители науки и другие», где и представлен вышеописанный тип «ученого с именем»: «У них нет никакого объективного интереса к проблемам познания; так как они сами насквозь пропитаны своей личностью, то и взгляды их и познания соединяются в личность, в какое-то многообразное существо, все части которого скреплены тесной зависимостью друг от друга и имеют общее питание, и как целое, окружены своей атмосферой и издают свой особенный запах». Наука как призвание (отсутствие гарантий в этом мире, свойственное лютеровскому радикальному учению) не должна искать поддержки и успокаивающего ответа исходя из существующих общественных критериев, в этом ее отличие от профессионального статуса, присуждаемого и при желании вполне достижимого еще в этой жизни.

Преподавание в высшей школе, которое есть не только заработок, но и популярность, все меньше ориентируется на то, что делает другой. Внутренние разногласия и личные оценки, вопреки известному предостережению М. Вебера, иногда выносятся в аудиторию. Как правило, они являются неотъемлемой частью институциональных (в том числе и академических) отношений, что не может не противоречить принципам научной работы, где личность, как известно, играет второстепенную роль. Являясь всего лишь скромными представителями той или иной традиции мысли, которой они не дают окончательно погрузиться в забвение, эти люди, зачастую, вступают в межличностную борьбу за признание, которая передается их ученикам и воспроизводится из поколения в поколение. Преподавание это виртуозное искусство, требующее не только повышенной ответственности за акты высказывания, но и провокативности, оригинальности, нестандартности мышления. В этой стране им владеют единицы (на меня наибольшее впечатление произвел В. А. Подорога). Большинству вообще не стоило связываться в это предприятие, ведь именно из-за плохого преподавания репутация философии окончательно растаяла. Новое поколение преподавателей, которых мне доводилось слушать, принципиально ничем не отличается от предыдущих, оно унаследовало все те же недостатки. Они не спо-

собны стать учителями, но навсегда призваны оставаться преподавателями высшей школы.

Тактика профессионала конкурирующего с другими профессионалами в ситуации рынка влечет за собой конфликт, отсутствие лояльности и терпимости и как следствие разобщенность и пессимизм в обществе. Как верно замечает С. Жижек, современное понятие «профессии» имеет все признаки абстрактной капиталистической универсальности, когда подлинная универсальность заменена частным смыслом и превращена в факт общественной жизни: «Ключевым здесь является то, что в некоторых определенных социальных условиях (товарного обмена и глобальной рыночной экономики) «абстракция» становится непосредственным признаком современной общественной жизни, способом, по которому конкретные люди строят свое поведение и соотносятся со своей судьбой и своей социальной средой. Маркс разделяет здесь взгляды Гегеля на то, что универсальность становится «сама по себе», только когда люди более не идентифицируют полностью сущность своего бытия со своим частным социальным положением, когда они ощущают себя «вытесненными».⁴ Профессионал в России сегодня это фигура выживающего, вынужденного продавать, прежде всего, свое имя (т. н. символический капитал), отдохнуть от имени ему не позволяют жесткие условия, в которых он оказался после развала государственного протекционизма. Только государство может спасти профессионала от рынка, а науку от угрожающей ей «профессионализации».

Закончить это скептическое эссе хочется еще одной цитатой из Ницше, которая, как нельзя лучше подводит итог общему духу размышлений: «Учителя в книжную эпоху. Вследствие того, что самообразование и взаимное обучение все более распространяются, учителя, как мы привыкли их теперь видеть, становятся почти излишними. Друзья, стремящиеся общими силами к приобретению знания, найдут к нему в эпоху книг кратчайший и более естественный путь, чем учась в школах и у учителей».

4 Жижек С. Вещь из внутреннего пространства. Художественный журнал. № 32. С. 34.